

НА БРУСТВЕРЬ ИЛИ НА БАНКЕТЪ?

Въ № 282-мъ «Русскаго Инвалида» за 1875 годъ была помѣщена наша небольшая статья: «На брустверѣ или на банкетѣ»? Сознвая, особенно въ настоящее время, важность вопросовъ, относящихся до обороны укрѣпленій, мы старались доказать и теоретически, и нѣкоторыми фактами изъ обороны Севастополя, что правило бельгійскаго устава — вскакивать на брустверъ для пораженія эскаладирующаго непріятеля — рационально. Тутъ же, попутно, мы высказали наше мнѣніе относительно неудобствъ отдѣленія въ резервъ большей части гарнизона укрѣпленія, а именно $\frac{2}{3}$ его, какъ это указано въ томъ же бельгійскомъ уставѣ, цитированномъ г. П—скимъ въ № 244-мъ «Русскаго Инвалида» за прошлый годъ, въ обзорѣ журнала «Le Spectateur militaire».

На сколько затронутые нами вопросы немаловажны или, по крайней мѣрѣ, жизненны, видно изъ того, что въ самомъ непродолжительномъ времени, а именно въ № 286-мъ «Русскаго Инвалида» за 1875 годъ, появились статья и замѣтка, посвященныя этимъ самымъ вопросамъ. Статья принадлежит г. А. П—скому, автору вышеупомянутаго обзора (№ 244-й «Русскаго Инвалида»), сомнѣніемъ своимъ относительно рациональности вскакиванія на брустверъ побудившаго насъ коснуться этого вопроса, а замѣтка—г. Н. Эгерштруму.

Сказанное обстоятельство, равно какъ и то, что названные авторы, будучи согласны между собою относительно того, что въ минуту эскалады непріятелемъ укрѣпленія обороняющемуся выгодноѣ, стоя на банкетѣ, ожидать появленія противника на брустверѣ, чѣмъ противодействовать этому появленію, вскочивъ на брустверъ (мы не можемъ иначе резюмировать мнѣнія нашихъ противниковъ по этому вопросу), расходятся во мнѣніяхъ по вопросу о величинѣ резерва (г. П—скій противъ насъ, г. Эгерштрумъ за насъ), ясно показываетъ, что поднятые нами вопросы не выяснены и заслуживаютъ дальнѣйшаго обсуждения.

Вотъ почему мы считаемъ не лишнимъ еще разъ обсудить ихъ, причемъ, высказавъ вполнѣ наше мнѣніе по этому поводу въ нашей первой статьѣ (№ 282-й «Рус. Инв.»), мы постараемся выяснитъ здѣсь какъ

то, въ чемъ мы расходимся съ гг. П—скимъ и Эгерштромомъ, такъ и то, въ чемъ они расходятся между собою.

Доводы г. П—скаго начинаются ссылкой на мнѣнія гг. Драгомирова и Леера по первому изъ занимающихъ насъ вопросовъ—«на брустверѣ или на банкетѣ»? Замѣтимъ прежде всего, что мнѣнія эти, какъ намъ кажется, не такъ рѣшительно говорятъ противъ насъ, какъ то высказано въ статьѣ г. П—скаго, и, кромѣ того, они высказаны (судя по цитатамъ) въ чисто догматической формѣ; подкрѣпляющіе же ихъ доводы принадлежатъ г. П—скому. Затѣмъ, въ подкрѣпленіе нашего мнѣнія, мы, кромѣ приведенныхъ уже нами въ первой статьѣ мнѣній такихъ военныхъ, какъ Тотлебенъ и Ніэль, можемъ сослаться и на тѣ сочиненія, которыми мы пользовались при составленіи нами отдѣла «объ атакахъ и оборонѣ полевыхъ укрѣпленій» въ книгѣ: «Полевое военное искусство» (стр. 138—146), а именно: Handbuch für den allgemeinen Pionierdienst (1872 г.), стр. 189—191, и Feld-Taschenbuch (1874), ч. I, стр. 615—618; о пользѣ вскакиванія на брустверъ упоминается и въ сочиненіи Бриальмона: «La fortification à fossés secs», стр. 272.

Наиболѣе же убѣдительно для насъ въ подобныхъ вопросахъ авторитетъ тѣхъ безвѣстныхъ защитниковъ севастопольскихъ окоповъ, которые (защитники) въ рѣшительныя минуты неоднократныхъ штурмовъ не находили лучшаго средства противодѣйствовать эскаладамъ противника, какъ встрѣчая его на брустверѣ. Эпизодъ отбитія штурма 6-го іюня, описанный въ нашей первой статьѣ (№ 282-й «Рус. Инв.»), былъ не единственный. Въ «Русской Старинѣ» 1875 г., № 11, изъ статьи г. Константинова, описывающаго штурмъ 27-го августа, мы видимъ, что всѣ усилія атакующаго овладѣть 3-мъ и 5-мъ бастіонами были тщетны; обороняющіеся, стоя на валахъ, сбрасывали во рвы тѣхъ смѣльчаковъ, которымъ удавалось добраться до бруствера. На Малаховомъ курганѣ штурмующіе показали, по словамъ г. Константинова, *на брустверъ* раньше чѣмъ обороняющіеся стали въ ружье, и затѣмъ уже никакія усилія, ни огонь, ни частныя атаки резервовъ внутри укрѣпленія не могли вырвать потерянное. Причины паденія въ этотъ день Малахова кургана многоразличны; но, сопоставляя результаты штурма въ этомъ и въ другихъ пунктахъ севастопольской ограды, невольно приходитъ на мысль, что встрѣтъ наши войска первый натискъ на брустверѣ и удержись они близъ него—исходъ штурма могъ бы быть такой же какъ на 3-мъ и 5-мъ бастіонахъ.

Намъ скажутъ, что защитники Севастополя дѣйствовали описаннымъ образомъ (стоя на брустверѣ) лишь во исполненіе приказа, приведен-

наго въ нашей первой статьѣ. Но въ минуты, подобныя штурму, приказовъ мало, если обстановка имъ противорѣчитъ. Кромѣ того, одинъ изъ участниковъ обороны Севастополя сообщалъ намъ, что и до приказа было тоже самое; и до приказа трудно было *удержать* людей отъ вскакиванія на брустверъ; приказъ только узаконивалъ то, что появилось ранѣе само собою. Если вспомнить стремленіе, общее всемъ людямъ, выбирать въ рукопашной борьбѣ такое положеніе, въ которомъ можно нанести противнику наибольшій вредъ, и что ударъ направляется противъ *ближайшихъ* къ намъ непріятелей, то намъ кажется, что вскакиваніе на брустверъ, стоя на которомъ только и можно дѣйствовать огнемъ и штыкомъ противъ врага, временно укрывшагося во рву отъ пораженія и готоваго появиться на брустверѣ—просто въ природѣ человѣка.

Обращаясь къ другимъ доводамъ г. П—скаго, позволимъ себѣ оговорить, что въ нашей статьѣ (№ 282-й «Рус. Инв.») нѣтъ ни одного слова, которое показывало бы, что въ одномъ только вскакиваніи на брустверъ мы видимъ, какъ предполагаетъ г. П—скій («и если г. Плюинскій хотѣлъ сказать» и т. д.), выраженіе активной обороны. Нисколько. Напротивъ, вмѣстѣ съ г. П—скимъ мы считаемъ, что активная оборона выражается цѣлою совокупностью дѣйствій всѣхъ обороняющихся, а не вскакиваніемъ на брустверъ въ извѣстный моментъ части гарнизона. Оборона можетъ быть активна, но именно вскакиваніе на брустверъ можетъ не имѣть мѣста, если дѣло не дойдетъ до эскалады укрѣпленія.

Мы не нашли въ статьѣ г. П—скаго опроверженія тѣхъ *выгодъ*, которыя представляетъ вскакиваніе на брустверъ обороняющихся (возможность *дѣйствія* огнемъ и штыкомъ противъ ближайшаго непріятеля; возможность опредѣленія угрожаемыхъ пунктовъ; командованіе, т. е. удобство дѣйствія). Г. П—скій указываетъ только *нѣкоторыя невыгоды* этого способа дѣйствія, доказывая, что онѣ или дѣлаютъ его трудно исполнимымъ, или, вообще, перевѣшиваютъ выгоды. Посмотримъ, насколько это вѣрно.

Первая, и по нашему мнѣнію единственная, невыгода такого способа дѣйствія, приведенная г. П—скимъ (а также и нами), та, что стоя на брустверѣ люди открыты огню, конечно, болѣе, чѣмъ стоя на банкетѣ; у насъ же (№ 282-й «Рус. Инв.») было сказано, что при ближайшемъ разсмотрѣніи, эта невыгода не существенна, такъ какъ обороняющіеся вскакиваютъ на брустверъ въ то время, когда стрѣлки атакующаго не могутъ дѣйствовать огнемъ, не рискуя нанести пораженіе своимъ, спускающимся въ ровъ укрѣпленія, переходящимъ его и карабкающимся на брустверъ. Г. П—скій замѣчаетъ, что намъ «не удалось» доказать несуществова-

нія этой невыгоды. Но развѣ можно, не говоримъ доказать, но доказывать, что человѣкъ на брустверѣ болѣе закрытъ, чѣмъ за брустверомъ? Мы и не стремились къ этому; мы только считали нужнымъ сопоставить невыгоду и выгоды вскакиванія на брустверъ.

По мнѣнію г. П—скаго, сдѣланное нами сопоставленіе недостаточно полно; онъ, кромѣ предвидѣннаго нами и неизбежнаго возраженія противъ выгодъ вскакиванія на брустверъ, находитъ еще слѣдующее.

«Во-первыхъ», говоритъ онъ, «подобное дѣйствіе (вскакиваніе) возможно только при сознаніи обороняющимся значительнаго нравственнаго превосходства надъ противникомъ». Согласны; но думаемъ («три четверти успѣха на войнѣ зависятъ отъ нравственнаго элемента»), что укрѣпленіе, обороняемое войсками, не имѣющими такого *сознанія*, будетъ взято, гдѣ бы ни стояли защитники: они покинутъ укрѣпленіе до рѣшительнаго столкновенія, и мы вовсе не смотримъ на вскакиваніе, какъ на универсальное средство для отбитія штурмовъ; мы просто думаемъ, что оно лучше, чѣмъ бездѣйствіе, стоя на банкетѣ.

«Во-вторыхъ», при необыкновенномъ развитіи въ настоящее время огнестрѣльнаго дѣйствія, при производствѣ частой оглушительной стрѣлбы, *трудно будетъ поднять на брустверъ занятыхъ пѣхотою стрѣлковъ*. Мы думаемъ, что вопросъ о «трудности» извѣстнаго дѣйствія лежитъ большею своею частію въ природѣ человѣка, а не въ вооруженіи его и противника. Выше мы упоминали, что севастопольцевъ нельзя было *удержать* отъ вскакиванія, и по нашему мнѣнію, это объясняется естественнымъ стремленіемъ *бить* противника и къ тому же ближайшаго. Такъ какъ въ разсматриваемомъ случаѣ ближайшій противникъ—непріятель, спускающійся въ ровъ, а не цѣпь его стрѣлковъ, залегшая за ближайшими закрытіями, огонь которой болѣе или менѣе заслоненъ своими же, эскалладирующими укрѣпленіе, и такъ какъ *дѣйствовать* противъ послѣднихъ можно только стоя на брустверѣ, то мы и предпочитаемъ этотъ способъ дѣйствія, въ извѣстный моментъ обороны укрѣпленій, *бездѣйствію* обороняющагося, стоящаго на банкетѣ.

Если трудно поднять человѣка для его личной обороны съ банкета на брустверъ, то что же придется сказать о трудности для атакующаго спуска въ ровъ и подъема со дна его на вершину бруствера. Эти дѣйствія штурмующихъ дѣйствительно представляются возможными или въ томъ случаѣ, когда обороняющійся, стоя на банкетѣ, будетъ бездѣйствовать, или въ случаѣ вѣрности предположенія, что сознаніе нравственнаго превосходства есть неотъемлемое и исключительное достояніе атакующихъ. По счастью для сторонъ, вынужденныхъ дѣйствовать оборонительно, военная исторія показываетъ намъ примѣры, обратные тому и другому.

«Въ-третьихъ, это (вскакиваніе) значило бы атаковать нападающаго въ то время, когда онъ и самъ ждетъ атаки». Мы не понимаемъ, почему это кажется невозможнымъ? Вѣдь не всегда же на войнѣ можно рассчитывать имѣть дѣло съ противникомъ, не ожидающимъ атаки, какъ, напримѣръ, при ночныхъ нападеніяхъ и засадахъ. По нашему крайнему разумѣнію, для обезпеченія всякой атаки должно всегда предполагать возможность контръ-атаки противника, т. е. по малой мѣрѣ ожидать ее. И неужели только потому, что противникъ ожидаетъ атаки, мы не должны атаковать его, какъ бы наше положеніе ни было выгодно (въ данномъ случаѣ—командованіе, свобода дѣйствій, отсутствіе препятствія) сравнительно съ положеніемъ противника? Если не ошибаемся, военное искусство, разсматривая рукопашныя столкновенія — о нихъ рѣчь — однородныхъ родовъ оружія, напримѣръ, пѣхоты, никогда не рекомендовало одно неподвижное обстрѣливаніе противника, идущаго въ атаку, но, напротивъ, послѣ обстрѣливанія, въ благопріятный моментъ—движеніе ему на встрѣчу, дѣйствіе противъ него штыкомъ. А если это такъ, то трудно найти минуту и обстановку болѣе благопріятныя для частнаго перехода въ наступленіе.

«Въ-четвертыхъ, какъ опредѣлить моментъ вскакиванія на брустверъ?» Онъ опредѣляется естественно, самъ собою, а именно, когда непріятель, спускаясь въ ровъ, такъ сказать, уходитъ изъ подъ ударовъ (выстрѣловъ) обороняющагося, стоящаго на банкетѣ. Такъ этотъ моментъ указанъ въ бельгійскомъ уставѣ; то же рекомендуемъ и мы («Полевое военно-инженерное искусство», стр. 145). Чтобы уловить это мгновеніе, нѣтъ надобности «видѣть то, что дѣлается во рву», но только то, что дѣлается у гребня контръ-эскарпа его, т. е. спускается ли непріятель въ ровъ или нѣтъ, а это очень легко, такъ какъ скату бруствера всегда дается соответствующее паденіе. Г. П—скій говоритъ далѣе, что рано вскочить—«разстрѣляютъ», опасаясь же послѣдняго—опоздають. Последнее безусловно вѣрно. Намъ думается, однако, что плохи будутъ войска, которыя въ такія рѣшительныя минуты, какъ эскалада, будутъ въ состояніи соображать: разстрѣляютъ или не разстрѣляютъ. Мы уже сказали выше, что такъ воспитаннымъ или столь деморализованнымъ войскамъ мы считаемъ бесполезнымъ рекомендовать вскакиваніе на брустверъ: они этого все равно не сдѣлають...

«Въ-пятыхъ, должна-ли дѣйствовать на брустверѣ только *цѣпь* или за ней слѣдуютъ и *поддержки*, причѣмъ столпленіе людей на брустверѣ будетъ непомѣрное».

Чтобы быть понятнымъ, считаемъ нужнымъ сдѣлать слѣдующее необходимое отступленіе. Подчеркнутыя нами выше слова: «цѣпь» и «под-

держки» дают повод думать, что, по мнѣнію г. П—скаго, укрѣпленія занимаются такъ же, какъ и всякое закрытіе, т. е. непосредственно за закрытіемъ—цѣль, за нею поддержки, а далѣе, внѣ укрѣпленія (см. то, что говорится въ статьѣ г. П—скаго о резервѣ)—резервъ. Между тѣмъ, во всѣхъ извѣстныхъ намъ сочиненіяхъ, въ которыхъ упоминается о занятіи войсками полевыхъ укрѣпленій, принято, что гарнизонъ укрѣпленія дѣлится на двѣ части: *стрѣлковъ* ($\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ гарниз.), т. е. людей, назначаемыхъ для дѣйствія огнемъ съ банкета, и *резервъ* ($\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ гарниз.), назначаемый для дѣйствія противъ непріятеля, ворвавшагося въ томъ или другомъ мѣстѣ во внутренность укрѣпленія. Maximum числа стрѣлковъ опредѣляется въ зависимости отъ длины линіи огня укрѣпленія, именно: два, три и, если люди безъ ранцевъ, четыре человека на одну погонную сажень ея. Понятно, что при скорострѣльномъ оружіи нѣтъ надобности держать всѣхъ стрѣлковъ постоянно на банкетѣ, но если они и *всѣ* взойдутъ на него, то густота ихъ расположенія будетъ такая же, какъ каждой изъ шеренгъ развернутаго строя.

Теперь уже не трудно видѣть, что даже допуская, что убыли въ людяхъ не будетъ и что *всѣ* стрѣлки взойдутъ на брустверъ, т. е. что укрѣпленіе будетъ атаковано со всѣхъ сторонъ, то и тогда «непомѣрнаго столпленія» на брустверѣ не произойдетъ, потому что ширина ската бруствера, по крайней мѣрѣ, втрое болѣе ширины поверхности банкета; людямъ же не для чего стоять на брустверѣ въ одну шеренгу. Если же ввести на брустверъ и «поддержки», то, въ зависимости отъ величины ихъ (послѣдняя не указана въ статьѣ г. П—скаго), непомѣрное столпленіе можетъ произойти не только на брустверѣ, но и внутри укрѣпленія.

Почему, какъ говорить далѣе г. П—скій, мы «должны утверждать, что въ большой части случаевъ не стоитъ пользоваться мѣстными закрытіями»—мы не знаемъ, такъ какъ врядъ ли это можно вывести изъ того, что въ минуту, когда, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ вскакивать на брустверъ, на послѣдній должно смотрѣть не какъ на закрытіе, но какъ на преграду для противника, облегчающую поражение его.

Итакъ, рассмотрѣніе вышеизложенныхъ доводовъ г. П—скаго привело насъ къ тому, что: 1) вскакиваніе на брустверъ во время эскалады его противникомъ трудно и даже невозможно только для обороняющагося, способнаго въ подобную минуту разсуждать—разстрѣляютъ его при этомъ, или нѣтъ; 2) правило—не атаковать противника только потому, «что онъ и самъ можетъ ожидать атаки» (не имѣя почти возможности противодействовать ей), едва-ли можетъ быть примѣнимо въ разбираемомъ случаѣ; 3) моментъ вскакиванія обороняющихся на бруст-

веръ опредѣляется легче, чѣмъ это предполагаетъ г. П—скій; 4) непомѣрнаго столпленія на брустверѣ не произойдетъ, если на него взойдетъ только та часть гарнизона укрѣпленія (стрѣлки), которая назначается для производства огня съ банкета.

Вышеприведеннымъ не ограничиваются, однако, возраженія нашего опонента. Принявъ слова нашей статьи, что «колонны штурмующаго не останавливаются для стрѣльбы», какъ выраженіе того, что мы «находимся въ нѣкоторомъ недоразумѣніи» по этому вопросу (см. Полев. воен. инж. иск., стр. 142), г. П—скій замѣчаетъ: 1) что останавливается лишь цѣль (гдѣ? у контръ-эскарпа рва?), которая и дѣйствуетъ по укрѣпленію до появленія своихъ на брустверѣ, и которая, слѣдовательно, разстрѣляетъ обороняющагося, «некстати» (?) появляющагося на брустверѣ же, и 2) что, вскочивъ на брустверъ, обороняющійся не обезпечитъ себя отъ неожиданности атаки, такъ какъ послѣдній будетъ въ это время *такъ занятъ своимъ дѣломъ*, что едва-ли уяснитъ себѣ намѣренія противника». «Да и уяснивъ ихъ», продолжаетъ г. П—скій, «что онъ (обороняющійся) можетъ сдѣлать, какую пользу извлечь *резервъ* изъ полученныхъ свѣдѣній? Прежде чѣмъ онъ успѣетъ двинуться, противникъ уже будетъ на брустверѣ, а слѣдовательно, самъ откроетъ свои намѣренія».

Намѣреніе противника овладѣть укрѣпленіемъ уясняется для обороняющагося съ самаго начала движенія непріятельскихъ войскъ на штурмъ. Рекомендую обороняющемуся вскакиваніе на брустверъ, мы и не имѣемъ въ виду уясненіе черезъ это намѣреній непріятеля, но единственно: 1) возможность во-очію опредѣлить пунктъ (точку или точки), избираемый непріятелемъ, *эскаладирующимъ* уже укрѣпленіе, для окончательнаго приведенія въ исполненіе своего намѣренія и 2) возможность наилучшимъ образомъ противодействовать эскаладѣ.

Предвидя возраженіе, что люди, стоя на брустверѣ, болѣе открыты огню, чѣмъ находясь на банкетѣ, мы только въ виду правильной оцѣнки этого возраженія напомнили, что колонны штурмующаго не останавливаются для стрѣльбы. Дѣйствительно, онѣ бѣгомъ доходятъ до рва укрѣпленія и тотчасъ же спускаются въ него и эскаладируютъ брустверъ. Цѣль атакующаго останется позади колоннъ, залегая за ближайшими закрытіями (1) и, слѣдовательно, огонь ея будетъ отчасти маскированъ своими же, идущими впереди; при быстротѣ дѣйствій эскалады, въ дыму сильнѣйшаго огня съ обѣихъ сторонъ, цѣль не въ состояніи опредѣлить, увидѣть, когда эскаладирующие появятся на скатѣ бруствера; это будетъ

(1) Въ «Handbuch für den etc.» рекомендуется останавливать цѣль шагахъ въ 200 отъ укрѣпленія.

для отдѣльныхъ людей разновременно, и слѣдовательно, безъ опасенія поражать своихъ-же, цѣль не можетъ продолжать огонь далѣе того момента, когда штурмующіе начнутъ спускаться въ ровъ укрѣпленія. Въ эту-то минуту обороняющійся и вскакиваетъ на брустверъ.

«Обороняющійся будетъ такъ занятъ своимъ дѣломъ, что...» Но что же можетъ быть въ это время названо дѣломъ обороняющагося, какъ не сбрасываніе штыками въ ровъ смѣльчаковъ, добравшихся до ската бруствера? Намѣреніе противника ясно здѣсь само по себѣ. Резерву въ это время незачѣмъ, некому, да и некогда сообщать какія либо свѣдѣнія. Начальникъ резерва, стоя съ нимъ внутри укрѣпленія, самъ долженъ слѣдить за ходомъ обороны, бросаясь туда, гдѣ непріятель прорвется *въ* укрѣпленіе, опрокидывая противника или прикрывая отступленіе своихъ. Г. П—скій правъ: мы, дѣйствительно, «переносимъ наибольшую силу укрѣпленія *на брустверъ*», а не *во внутрь* укрѣпленія; мы убѣждены, что если обороняющійся не успѣлъ (штурмъ Малахова кургана, 27-го августа) или не могъ отразить противника, поодиночкѣ *преодолюющаго препятствія*, представляемая ровомъ и брустверомъ укрѣпленія, то выбить непріятеля, залегшаго на брустверѣ, *всегда* превосходнаго въ силахъ, окружившаго насъ по овладѣніи брустверомъ со всѣхъ сторонъ, не имѣя при этомъ возможности ввести въ ограниченную по величинѣ внутренность укрѣпленія сколько нибудь сильнаго *внѣшняго* (1) резерва, не имѣя даже и мѣста для развитія своихъ силъ—дѣйствительно трудно.

Все что г. П—скій говоритъ о *резервѣ* гарнизона укрѣпленія показываетъ, что взглядъ его, г. П—скаго, по этому вопросу, какъ и по вопросу о раздѣленіи гарнизона (цѣль, *поддержки*, резервъ), существенно отличается отъ нашего, т. е. смѣемъ думать, общепринятаго.

Выше мы сказали, что резервъ есть часть *гарнизона* укрѣпленія ($1/4—1/2$, а не $1/4—1/3$), какъ прочель у насъ нашъ опонентъ) и, слѣдовательно, находится въ самомъ укрѣпленіи, а не гдѣ-нибудь за мѣстными закрытіями, «внѣ открытыхъ укрѣпленій» (а при укрѣпленіяхъ сомкнутыхъ?). Разъ какъ это такъ, то, желая сохранить резервъ «свѣжимъ», необходимо имѣть для него въ большинствѣ случаевъ закрытіе внутри укрѣпленія, иначе свѣжесть резерва можетъ пострадать въ подготовительный, огнестрѣльный періодъ атаки укрѣпленія. Хотя бы черезъ это и стѣснилось внутреннее пространство укрѣпленія, тѣмъ не менѣе, держать резервъ, *часть гарнизона*, внѣ укрѣпленія нельзя, потому что тогда нельзя было бы ручаться ни за единство дѣйствій всего гарнизона, ни за своевременность дѣйствій резерва. Въ сомкнутыхъ же укрѣпленіяхъ это совершенно невозможно. То, что говоритъ по этому пово-

(1) Не составляющаго части гарнизона укрѣпленія.

ду г. П—скій, можетъ быть примѣнимо лишь къ такъ называемому *внѣшнему* резерву, не подчиненному начальнику гарнизона укрѣпленія, дѣйствующему противъ обходовъ, преслѣдующему отбитаго непріятеля, могущему пойти и на усиленіе гарнизона, но не составляющему съ нимъ одного цѣлага. Этотъ внѣшній резервъ не всегда можно имѣть къ своимъ услугамъ, оборона укрѣпленія часто можетъ быть возложена исключительно на его гарнизонъ (сомкнутыя, отдѣльныя укрѣпленія), а потому роль и дѣйствія истиннаго (внутренняго) резерва гарнизона укрѣпленія будутъ именно таковы, какъ мы ихъ обрисовали.

Разсчитливо-ли, спрашивается теперь, отдѣлять въ резервъ $2/3$ гарнизона? Разсчитливо-ли держать подъ огнемъ, но въ бездѣйствіи $2/3$ людей, стѣсняющихъ внутренность укрѣпленія, отступленіе своихъ, не имѣющихъ часто возможности развить какъ слѣдуетъ силу собственнаго удара, такъ какъ внутреннее пространство полевыхъ укрѣпленій и вообще пунктовъ атаки не можетъ быть особенно велико? Г. П—скій того мнѣнія, что часть резерва можетъ быть употреблена на усиленіе *стрѣлковъ*. Но, вѣдь, число послѣднихъ и безъ того разсчитывается при самомъ густомъ размѣщеніи ихъ на банкетѣ ($1/2—3/4$ шага на человѣка), слѣдовательно, усиленіе ихъ можетъ имѣть мѣсто далеко не всегда.

Чей разсчетъ правильнѣе, нашъ или г. П—скаго, лучше всего покажутъ цифры.

По нашему разсчету: гарнизонъ укрѣпленія, длина линіи огня котораго 50 саж., будетъ равенъ 300 чел., а именно $1/2$ гарнизона (максимум), 150 чел., *въ резервъ*, остальные—*стрѣлки*, стоящіе по три чел. на шагъ длины банкета (среднее), и могущіе выпустить 1,200 пуль въ минуту.

По разсчету г. П—скаго: на то же укрѣпленіе потребуется: 450 чел. гарнизона, т. е. 150 чел. стрѣлковъ и 300 чел. ($2/3$ гарнизона) резерва. Или, если мы ограничены численностью гарнизона, то тѣ же 300 чел., отдѣливъ $2/3$, т. е. 200 чел., въ резервъ, займутъ 100 стрѣлками длину линіи огня укрѣпленія въ $100 : 3 = 33,3$ саж. или, нагляднѣе, способны развить огонь силою всего въ 800 пуль въ минуту. При этомъ у насъ бездѣйствовало до поры до времени 150 чел. резерва, у г. П—скаго 200 (2-й случай), потери же отъ подготовляющаго атаки огня въ его резервъ, какъ большею, будутъ болѣе чѣмъ въ нашемъ, такъ что легко можетъ статься, что въ концѣ-концовъ, въ минуту дѣйствія резерва, сила его, при обоихъ разсчетахъ, окажется одинаковою; число же выпущенныхъ противъ непріятеля пуль, т. е. число

его потерь, будетъ или одинаково (1-й случ.), или у насъ въ $1\frac{1}{2}$ раза болѣе (2-й случай).

Г. Эгерштромъ, нашъ другой опонентъ, придавая такое справедливое значеніе огню современнаго оружія, не могъ не оцѣнить цѣлесообразности опредѣляемой нами относительной величины резерва и гарнизона. Защищая «вскакиваніе на брустверъ», мы нисколько не умаляемъ значенія огнестрѣльнаго дѣйствія, нисколько не противорѣчимъ себѣ.

Мы вовсе не рекомендуемъ, какъ говоритъ г. Эгерштромъ, «посылать людей на брустверъ при ближайшей оборонѣ укрѣпленія» (да и что называть нынѣ «ближайшею» обороною), но лишь тогда, когда неприятель спускается въ ровъ, собирается на днѣ его и лѣзетъ на брустверъ, когда ни при какомъ оружіи, даже «магазинномъ», нѣтъ физической возможности нанести противнику поражение, стоя на банкетѣ. Для насъ вопросъ не въ томъ, возможенъ, или нѣтъ, при современномъ вооруженіи, успѣхъ «фронтальной атаки на укрѣпленіе»; мы просто говоримъ, что если, такъ или иначе, атакующій дойдетъ до рва, станетъ спускаться въ него и т. д., то *дѣйствовать* противъ него и огнемъ, и штыкомъ возможно только стоя на брустверѣ. Спору нѣтъ, что нынѣ огонь пріобрѣлъ особенное значеніе, что теперь рукопашныя схватки рѣже рѣшаются дѣло; но намъ кажется, что до тѣхъ поръ, пока войска будутъ вооружены ружьями (хотя бы и магазинными) *со штыкомъ*, они должны довѣрять послѣднему, знать ему цѣну, умѣть употреблять его; «*внушать*» же войскамъ, что они должны надѣяться только на свой огонь—не педагогично.

Врядъ-ли мы могли бы сказать по занимающимъ насъ вопросамъ еще что нибудь, существенно выясняющее дѣло. Для насъ эти вопросы рѣшены не только въ томъ смыслѣ, что вскакиваніе на брустверъ обороняющихся въ извѣстный моментъ обороны рационально, а отдѣленіе въ резервъ не болѣе $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ гарнизона укрѣпленія—цѣлесообразно, но и въ смыслѣ постановки этихъ вопросовъ г. П—скимъ. Именно, что у насъ получаются и «*болѣе значительные результаты*»—большее число пуль въ огнестрѣльный (подготовительный) моментъ боя, возможность и удобство *дѣйствія* въ его рѣшительный моментъ,—и достиженіе ихъ будетъ сопряжено съ «*меньшими жертвами*», такъ какъ меньшій резервъ всегда понесетъ менѣе потерь, люди же на брустверѣ хотя и могутъ потерпѣть нѣсколько болѣе отъ огня (на сколько—см. сказанное по этому поводу выше), но за то въ рукопашномъ бою будутъ имѣть болѣе шансовъ (командованіе, возможность дѣйствія) не

только относительно меньшаго во время схватки числа потерь, но и относительно достиженія цѣли—отбитія штурма, а это *главное*.

Только будучи твердо убѣждены во всемъ нами изложенномъ и теоретическимъ изслѣдованіемъ, и боевыми фактами не «прошлаго столѣтія», а второй половины нынѣшняго, и авторитетомъ нашихъ и иностранныхъ военныхъ, мы позволили себѣ посвятить разбираемымъ вопросамъ настоящую статью.

А. Плюцинскій.